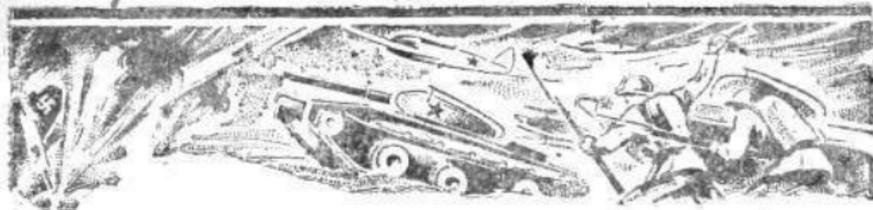

312711

ВБЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

АЛЕКСАНДР ИЛЬЧЕНКО

ЗЕРЕНКО 48

БОЙЦЫ ИЗ НАШИХ МЕСТ

ОГИЗ

1941

Саратовское областное государственное издательство
Саратов

БОЙЦЫ ИЗ НАШИХ МЕСТ

1. Синие купола

Снова перед рассветом где-то поблизости завязывался бой.

Иванов и Гаврилов выползли из окопа. Боец Тучков еще спал, удерживая винтовку между колен. Давно небритая щека его лежала на тугом кулаке, сжимавшем пучок ржаных колосьев.

— Добрый хлеб,—сокрушенно говорил вчера Тучков, и, по своему обыкновению, прибавлял: — Эх, а вот у нас, в Тамбовской нынче — урожай!..—Так вот он всегда и начинал разговор по любому поводу: «А вот у нас в Тамбовской!..»— и два его друга Николай Иванов и Николай Гаврилов, чтобы подразнить тамбовца, тоже порой прибавляли к своим речам такое же неизменное: «Что твой Тамбов? Вот у нас в Саратове!..». Но невозмутимого тамбовца поддеть было трудно...

После боя, час тому назад, он еле добрал до опушки, до этого ржаного поля и вдруг оживился, будто домой попал, — срывал колосья и долго мял их на ладони, сдувал мякину и пробовал зерна на зуб: «Косить пора бы!», да так и заснул с пустыми колосьями в руке.

Наша батарея на опушке, прикрытая кустами и травой, еще молчала. Вдоль окопа прошел командир батареи, с некоторой завистью взглянул на спящих бойцов, склонился над тамбовцем, потрогал былинки в его кулаке, понимающе улыбнулся, утирая воспаленные бессонницей

глаза, и, спохватившись, приказал бойца Тучкова будить.

Тучкова, Иванова и Гаврилова посылали в разведку — обследовать сосновый лес справа от батареи.

— Ну, саратовцы, — скомандовал Тучков, — шагом марш...—и все трое двинулись. Иванов и Гаврилов, молодые бойцы, вместе учились, не раз вместе бегали к Волге и вот теперь вместе же уходили с первым боевым заданием. Более опытный тамбовец был назначен старшим.

Все трое, укрыв каски ржаными венками, окунулись в золотую волну хлебов и по-пластунски поползли вдоль межи, стараясь незаметно пробраться к соснам, за которыми, быть может, притаился враг...

Разведчики слушали обманчивую тишину. Это называлось «держать уши выше головы». Шумела под ветром нива; стрекотали кузнечики; щебета птиц не было вовсе—они всегда улетают подальше от снарядов и бомб.

Казалось, ничему не нарушить прочную тишину. Когда отползли довольно далеко, Тучков вдруг замер и приник к земле. Вдалеке, за лесом возник шум мотора и, откуда ни возьмись, над опушкой закружился фашистский истребитель, бросился вниз, прострочил между из пулемета, еще и еще, и разведчики—катком, катком быстро укрылись во ржи.

Фашистский истребитель пролетел дальше, за ним—еще шесть таких же, затем прошли тяжелые бомбардировщики. Фашисты надумали внезапно напасть на наше танковое соединение. Но заговорили наши зенитки. Николай Иванов видел, как юркий вражеский истребитель кружился над одним и тем же местом, указывая бомбардировщикам цель, затем неожиданно кувыркну-

нулся, обрастая ярким огненным оперением, и в клубах дыма упал.

Тем временем из-за леса почти бесшумно выплыл четырехмоторный транспортный самолет и сделал круг над опушкой.

— Десант, — прошептал Гаврилов, — смотрите...

И точно, через минуту—две в воздухе, совсем низко, один за другим возникли будто светлые дымки разрывов,—раскрывались парашюты.

Тучков скомандовал:

— Разбиться по сторонам и уничтожить гадов в воздухе!

Разведчики разошлись и открыли огонь из автоматов. Двенадцать парашютов продолжали медленно спускаться, но никак нельзя было угадать — сколько живых и сколько мертвых тел болтается теперь на стропах. Вот один из куполов разорвался, пробитый пулями, пошел вниз быстрее, полетел камнем. Немцы ожесточенно отстреливались, и разведчикам пришлось пробираться в лес. Тучков оказался впереди, и саратовцы видели, как он вдруг упал, но затем приподнялся и очень медленно пополз к соснам.

— Ранен? — спросил Гаврилов, рванувшись было к Тучкову, но подползти ближе к нему товарищи не могли.

Фашисты почему-то приземлялись не кучно, метров за 30—40 друг от друга, и разведчикам казалось, что их обстреливают со всех сторон. Пулей сшибло ржаной венчик на каске Гаврилова, но он все так же продолжал пробираться к лесу и уже не думал ни о смерти, ни о раненом Тучкове, скрывшемся в кустах. Боец знал одно: надо выполнять задание.

Перестрелка на время утихла. Гаврилов залез на сосну и заметил справа под парашютом четырех немцев, возившихся со своим раненым.

— Смотри, — прошептал он Иванову.

Из купола еще не вышел воздух, и парашют возвышался над немцами светлым подвижным бугром с яркими синими полосами и такой же синей верхушкой. Что делают немцы, — за парашютом рассмотреть было трудно, но купол постепенно оседал, теряя форму, и вдруг опал совсем, а над синей тканью из полюсного отверстия вырвались наружу примятые было ржаные колосья и зашевелились, заиграли на ветру. Стропы тянулись стебельками, и все это было похоже на большой нелепый цветок.

Гаврилов услышал поблизости стон. Очевидно, умирал Тучков, но пробраться к нему никакой возможности не было. Гаврилов выстрелил и, поудобнее пристроив на сучке автомат, стал поливать свинцом четырех убийц у синего «цветка». Немцы припали к земле, но все еще продолжали возиться с тем, который лежал. Присмотревшись, Гаврилов понял, что немцы шарят в карманах убитого.

Не прекращая обстрела, он крикнул Иванову, чтобы добрался до Тучкова и посмотрел, что с ним, но увидел только, как его друг слетел с сосны. Гаврилов обмер. Руки вдруг стали потными, липкими, словно от приставшей к ним расплавленной солнцем сосновой смолы.

— Николай! — закричал он, не помня себя, но в тот же миг Иванов поднялся и снова полез на дерево, к автомату. «Подломился под ним сучок», — подумал Гаврилов, вздохнул легче, вытер пот и опять уже не видел ничего, кроме притаившихся во ржи врагов. «Цветок» уже был изорван в клочки. Теперь надо было поду-

мать, как обстреливать дальше. Что, если зайти с двух сторон? Но нет, так, пожалуй, можно перестрелять друг дружку...

Соображая, как бы лучше поступить, Николай Гаврилов заметил, что по меже в тыл диверсантов пробирается еще одна разведка — шесть красноармейцев. Хотел было крикнуть Иванову, но во-время сдержался. Николай и сам заметил подмогу и перестал стрелять, чтобы не перебить своих. Пули второй разведки летели сюда, и оба парня спрятались за стволами.

Восемь фашистов, оставшихся в живых, заметили в кольце. Подняв на руки тот же труп, они побежали к лесу, прямо на Гаврилова. К Иванову мчался офицер. Теперь можно было стрелять почти в упор. Но после первого же выстрела фашисты залегли. Над головами прогремели моторы удирающих немецких самолетов.

Заметив, что наша разведка подползает совсем близко, Гаврилов крикнул: «Товарищи, мы—свой!»—и соскочил с дерева.

Окруженные со всех сторон, немецкие солдаты побросали оружие и только мальчишка-офицер попробовал было сопротивляться.

Обыскав пленных, разведчики решили разузнать, почему фашисты так упорно таскали за собою труп какого-то солдата. В сапоге убитого немца Николай Иванов обнаружил карту расположения наших войск—данные фашистской авиаразведки.

Пока возились с пленными, Иванов и Гаврилов все прислушивались — не стонет ли где-нибудь Тучков. Но всюду было тихо. Когда разыскали его, Тучков был уже мертв.

...Большой бой разгорелся на ржаном поле лишь полчаса спустя. Иванов и Гаврилов, как всегда рядом, злые и неумолимые дрались с

исступлением, вымещая и кровь товарища, и все обиды. Идя вперед со штыком наперевес, боец Гаврилов сквозь зубы кричал при каждом ударе: «А вот у нас в Саратове... А вот у нас в Тамбове...»—и все пробивался вперед и вперед, вместе с товарищами тесня врага.

2. Рядовой Фокеев

На энском участке одного из фронтов мужественно сражается с фашистскими людоедами паренек из-под Саратова — Петр Григорьевич Фокеев, отважный артиллерист.

По началу в части он ничем себя будто бы и не проявил. Парень — как парень: невысокий, белесый, коренастый и мешковатый. Товарищи даже слегка подтрунивали над его любовью к переноске тяжестей, к рытью окопов, над его неразговорчивостью и излишней, пожалуй, скромностью.

Отличался Фокеев разве что во время обеда. Спросят, бывало, у него:

— Ну, как, Петро? С'ел бы еще чего-нибудь? Добавки хошь?

— Да, не мешало бы еще маленько...

И все, конечно, хохочут, зная, что Фокеев успел уже подобрать, по крайней мере, порции две...

И вот однажды пришлось Фокееву идти в разведку. За ним двинулся и связной.

Дело было на зорьке. В небе уже гудели самолеты, но на земле было еще сравнительно тихо.

Успев по дороге кое-как позавтракать, пробирался Петр Григорьевич от кусточка к кусточку, от ямки к ямке, замирая при подозрительном шорохе, присматриваясь ко всякому бугорку, пока не увидал, наконец, на дальней

поляне два больших вражеских танка, которые шли, очевидно, подавлять нашу батарею, не давшую врагу покоя ни днем, ни ночью.

Отослав связного к командиру с донесением, Фокеев залез во вражеский окоп, оставленный немцами при вчерашнем отступлении. Окопы, укрытые ветками и травой, были полны немецких трупов, всюду валялось оружие и всякий хлам.

Фокеев прильнул к земле, укрылся как мог и ждал, что будет дальше. Часов у него не было, но он все-таки пытался подсчитать, сколько времени понадобится связному Нестеренко, чтобы добраться до батареи и привести подмогу.

Накрыв каску вялыми ветками, Фокеев снял с пояса гранату и положил подле себя на взрыленную землю.

Танки приближались медленно и осторожно, а Фокееву все казалось, будто тягостное ожидание никогда не кончится... Хорошо, если наши успеют притти раньше, чем ему придется бросить гранату и погибнуть под пулями... Захотелось пить. Почему-то вспомнилась Волга, с детства знакомый остров, на котором каждое лето так много ежевики. Фокеев облизывал сухие губы и думал, что жизнь свою дешево не отдаст.

Лежал Фокеев нельзя сказать чтобы очень удобно. Он потянулся, разминая затекающую ногу, и вдруг уперся между трупами во что-то твердое. Полуобернувшись, увидел какие-то доски, затем нащупал... полный ящик гранат, приготовленных немцами для атаки.

Забыв и про Волгу и про все на свете, Петр Григорьевич взялся за дело. Вместо обычных связок по три гранаты, Фокеев связывал их по пятку, вставлял приготовленные немцами запалы и ждал.

Когда танки были в нескольких шагах, Фокеев, вставши в окопе на колени, начал сердито дергать кольца и бросать связки гранат под вражеские машины. Танки остановились с подорванными гусеницами. Фашисты стали стрелять, но из люков ни один из них не показывался. Бандитам и в голову не пришло, что в единоборство с ними вступил всего-навсего один красноармеец.

Пока танки обстреливали притаившегося Фокеева, связной, посланный на батарею, доложил командиру об опасности и успел привести подмогу.

Наша батарея подтянула свои пушки к самой поляне. Прямой наводкой обе машины были разбиты вместе со всеми фашистскими молодчиками.

Когда Фокеев вылез из своего окопа, засыпанный землей, изрядно перепачканный и, сжав кулаки, бросился к дымящимся обломкам вражеских танков, товарищи остановили его и один за другим тискали отважного разведчика.

— Вот так Петро!—кричали бойцы.—Угостил нас на-славу. Не отказались бы мы сегодня еще от одной такой же порции.

— Да,—солидно ответил Петр.—Не мешало бы еще, пожалуй, маленькую добавочку...—и, деловито подтянув ремень, спросил:—А как там, ребятки, у нас нынче насчет обеда? А? Я будто и впрямь проголодался.

312711

Отв. за выпуск *М. Котов.*

Корректор *З. Чуднова*

Подписано к печати 16/X 1941 г. НГ8486. Тираж 10000.

Учетн.-изд. 0,13 л. Печати. $\frac{3}{8}$ л. Знак. в бум. л. 97500.

Цена 5 коп.

Саратов. Типография издательства „Коммунист.“ Зак. 2906.

Цена 5 коп.